

На правах рукописи

ШУТАЛЕВА Анна Владимировна

**ПРОБЛЕМА ВИДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУТИВНОЙ
ОНТОЛОГИИ СОЗНАНИЯ**

Специальность – 09.00.01-
Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург-2007

Работа выполнена на кафедре онтологии и теории познания Уральского государственного университета им. А.М.Горького

Научный руководитель: кандидат философских наук,
доцент Д.В.Котелевский

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Е.Г.Трубина,
кандидат философских наук,
доцент Л.Чернов

Ведущая организация: Уральский государственный технический
университет - УПИ

Защита состоится «22» февраля 2007 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите диссертаций на соискание ученой доктора философских наук при Уральском государственном университете им. А.М.Горького по адресу: 620083, г.Екатеринбург, К-83, пр.Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М.Горького.

Автореферат разослан «22» января 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук,
профессор

В.В.Ким

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Проблематика, связанная с определением онтологических оснований сознания, начиная с первой половины XX века, подвергается радикальному и методичному переосмыслению. Критика проекта Просвещения и, соответственно, классического образа разума, совершается с точки зрения различных философских позиций. Трансформация роли духовных компонентов в жизни общества, связанная с преодолением однозначности логически замкнутых концептуальных построений, приводит к появлению различных подходов к основным философским проблемам и, соответственно, переосмыслению оснований определения роли и структуры сознания человека. В настоящее время фундаментальные онтологические концепции сознания (материализм, идеализм, детерминизм, индетерминизм, функционализм и т.д.) рассматриваются как альтернативные в решении важнейших проблем отношения бытие-сознание.

С развитием таких философских направлений как феноменология и экзистенциализм проблема сознания ставится в контексте нахождения в самом сознании человека того, что онтологически укореняет сознание в мире и не может быть редуцируемо только к «материальности» или «идеальности». Феномен сознания не исчерпывается содержанием сознания. Рассматривать сознание сквозь призму совокупности содержаний не продуктивно, так как дублировать эти содержания еще каким-то иным термином, как справедливо отмечает М.К.Мамардашвили, называемым «сознание», не имеет никакого смысла.

Проблема сознания является одной из классических для философской рефлексии, поскольку является основанием, вокруг которого осознанно или неосознанно выстраивается всякая философская система. Таким образом, необходимым является не только постановка самой проблемы сознания, но поиск новых путей в исследовании сознания. Наиболее предпочтительным, с точки зрения автора, является такой способ постановки проблемы, который определяется конститутивным аспектом онтологии сознания. Таким образом, актуальным является исследование структур сознания, проясняющих их отношение не к физическому пространству, а к пространству опыта и понимания, связанному с понятиями «присутствия» как способа человеческого существования и «видения» как способности сознания к различению и схватыванию. На этом основании данное исследование претендует на попытку целостного осмысления конститутивной онтологии сознания.

Степень разработанности проблемы.

Исследования центральных составляющих конститутивной онтологии сознания, отраженных в таких понятиях как «смысл», «смыслообразование», «понимание», характерны для целого ряда философских направлений. В современной философии, прежде всего, это феноменологическое движение. Появление в XX веке феноменологического и

экзистенциалистского направлений в философии выявило узость редукционистского подхода. Постулируется то, что человек не может быть полностью сведен ни к социальным отношениям, ни к совокупности бессознательных комплексов. Сознание рассматривается как вид бытия, который невозможно выразить в традиционно-гносеологическом аспекте субъект-объектных отношений, сознание рассматривается как то, что неотделимо от непосредственной жизненной реальности. Фиксирование жизни сознания через структуры бессознательного и языка осуществляется в психоанализе, структурализме, постструктурализме, герменевтике.

Феноменология Э.Гуссерля направлена на выявления смысла самого по себе как чистого феномена сознания. Выделение имманентной (феноменальной) перспективы мысли не распространяется на саму мыслящую сторону сознания, то есть на трансцендентальное «я», и не меняет радикально ее базовой предметной интенциональности. Анализируя механизм становления смысла, Э.Гуссерль показал, что смысл по природе своей ситуативен, его становление является актом интенционального синтеза сознания. Смысл определяется как продукт конститутивной деятельности сознания. Идея актуального существования смысла развивалась в феноменологических интерпретациях Г.Г.Шпета, Н.Гартмана, Р.Ингардена, А.Ф.Лосева, М.К.Мамардашвили. В экзистенциализме Н. Бердяева и К.Ясперса подчеркивается событийность смысла. В аналитической традиции эта идея позволила Г.Фреге развести понятие значение и смысл, Л.Витгенштейну и М.Даммиту – подчеркнуть динамический характер смысла, его операциональность.

В феноменологии М.Мерло-Понти понятия «смысл», «понимание» связаны с концептом «видение». Видение трактуется как непосредственное актуальное присутствие при мире, при этом мир есть видение мира и не может быть ничем иным. Сознание раскрывается М.Мерло-Понти не только как конституирующее сознание или чистое бытие-для-себя, но как сознание перцептивное, как субъект поведения, как бытие в мире или существование. Только таким путем *другой* может явиться в своем феноменальном теле и обрести «местонахождение». При этих условиях, с точки зрения М.Мерло-Понти, исчезают антиномии объективного мышления. Через феноменологическую рефлексию обретается видение не как «мышление о видении», но как взгляд, схватывающий видимый мир. Взгляд образует аспект действующего, а не тематизированного тела, взгляд развертывается в поле зрения и именно поэтому не находит себе места в нем. В концепции М.Мерло-Понти основополагающим является тот мотив, который играл важную роль уже у А.Шопенгауэра, Э.Маха, Л.Витенштейна, Ж.Батай: взгляд ускользает от себя самого; видящий глаз не видит себя. Однако здесь предстает только след сознания, которое ускользает от некоторого я в своей актуальности, и когда взгляд пересекается со взглядом *другого*, сознание воссоздает чуждое ему существование в рефлексии.

Особое место в разработке проблематики смысла занимают работы Г.Г.Шпета, А.Ф.Лосева, М.М.Бахтина. М.М.Бахтин создал феноменологию субъект-субъектных отношений, нашедшую развитие в идеях «глубинного общения» и диалогизма сознания и культуры Г.С.Батищева, В.С.Библера. Понятия «смысл», «понимание», «выражение» и «язык» являются основополагающими для философии М.Хайдеггера, Ж.-П.Сартра, Г.Марселя, М.Бубера, Э. Левинаса и др. Концепты «осознание», «смыслообразование», «понимание» предстают в бытийной (со-бытийной) плоскости через «присутствие» сознания внутри структуры осмысления.

Как имманентные характеристики сознания концепты «смысл», «смыслообразование» рассматриваются в семиотических (Э.Кассирер, С.Лангер и др.), структуралистских (Р.Барт, К.Леви-Сторсс, М.Фуко) и постструктуралистских (М.Фуко, Ж.Деррида, Ж.Лакан, Ж.-Ф.Лиотар и др.) концепциях XX в. На основании исследования внесознательных событий («диспозитив») и конструкторов («дискурс») языка, письма или структур бессознательного в этих концепциях объединяются редукция сознания и его феноменов к феноменам и структуре трансцендентального субъекта (или трансцендентальной бессубъектности) мысли.

Понятие «смысл» в деконструктивистской философии Ж.Деррида заменяется концептом «смыслообразование», который определяется как эффект открытой событийной игры сознания. Ж.Делез рассматривает осознание как чистое отношение события, что исключает присутствие и какую-либо позиционность субъекта. Событие, таким образом, предстает как несознательное, но из нонсенса которого (психоаналитически описываемым) рождается смысловая сингулярность-субъектность.

Понятие смысла присутствует в обсуждениях некоторых неопозитивистских направлений. Это аналитическая и лингвистическая традиции и примыкающие к ним семиотические исследования (Ч.Моррис, С.Лангер, Р.Барт, Ю.Лотман). Характерным для аналитической философии (Р.Карнап, М.Шлик, Б.Рассел, Л.Витгенштейн и др.) является то, что проблемы смысла и понимания представлены как вторичные по отношению к выявлению способов употребления знаков и соответствующих им значений в «языковых играх».

В отечественной философии выделение смысла и понимания в качестве ключевых понятий в исследовании проблемных областей, связанных с темой сознания, характерно для различных методологических традиций от марксизма и прагматизма до синергетики.

Категории «сознание», «смысл», «событийность» и др. разрабатывались в русской религиозной философии разных школ XX века (В.Розанов, В. Зеньковский, С.Франк, П.Флоренский, Е.Трубецкой, отчасти С.Булгаков). Проблема бытия сознания представала в образах «мирового разума» П.Я.Чаадаева, «мирового мышления» Н.И.Пирогова, «вселенского сознания» С.Н.Трубецкого, «непостижимого» С.Л.Франка и т.д. Влияние философии Р.Декарта, Г.Лейбница, И.Канта привело к тому, что такие

русские мыслители как С.Л.Франк, Л.М.Лопатин, А.И.Введенский, В.С.Соловьев, Н.О.Лосский, П.И.Новгородцев, П.А.Флоренский, В.Ф.Эрн и др., объединяя гносеологию с онтологией, создавали «гносеологическую онтологию», синтезируя «гносеологию самосознания» с «онтологией самобытия». Персоналистически-интуитивистская программа разработана Н.Лосским. В работах Н.А.Морозова, К.Э.Циолковского, В.И.Вернадского, Н.Ф.Федорова, А.Л.Чижевского и других космистов представлен натуралистическим вариантом проблемы онтологии сознания, рассматривающий мысль как реальное действие и планетарное явление. Характерна постановка проблемы соотношения духа и материи, которая рассматривалась в работах К.Карманова, А.М.Коршунова, В.Е. Кучевского, В.А.Лекторского, Н.О.Лосского, С.Т.Милохина, Ю.Н.Мячина, В.В.Орлова, Е.Ф.Солопова, В.А.Чудинова, Б.С.Шалютина и др. Онтология культурно-исторического детерминизма сознания развивалась как психологами (Л.С.Выготский, Ж.Пиаже, П.Я.Гальперин и др.), так и философами, связывающими проблемы сознания и культуры общества в целом (М.К.Мамардашвили, А.Н.Лой, А.Я.Гуревич и др.)

В отечественной философии разработана «отражательная» парадигма сознания. Понимание сознания как отражения объективной реальности, данное в субъективном образе и зависимое от внутренних условий отражения и внешнего мира было развито в работах С.Л.Рубинштейна, М.Н. Руткевича, А.Г.Спиркина и др. Отражение, рассматриваемое как свойство самодвижения и сомоорганизации развивающихся систем, представлено в работах В.И.Кашперского.

Вопросы об основных средствах познания бытия и методологических принципах онтологии сознания поднимаются в отечественных работах по диалектической логике, гносеологии, методологии, онтологии. Важный вклад в разработку этой проблематики внесли П.В.Алексеев, Э.В.Ильенков, А.М.Коршунов, В.П.Кохановский, Л.А.Микешина, Н.Ф.Овчинников, А.П.Огурцов, В.А.Окладной, А.В.Панин, А.И.Ракитов, Г.И.Рузавин, В.С.Степин, Г.Л.Тульчинский, С.Л.Франк, Э.Г.Юдин и др. В теории идеального Э.В.Ильенков отождествляет идеальное с общественным сознанием, в отличие от А.Г.Спиркина, В.П.Тугаринова и др., для которых основополагающим является отнесение идеального к сфере субъективной реальности. Идея синтетической концепции идеального развития в работах Д.В.Пивоварова.

Представители деятельностного подхода (Л.П.Будева, М.С.Коган, В.С.Швырев, Э.Г.Юдин, В.Н.Сагатовский и др.), при всем многообразии определений, рассматривают сознание и, соответственно, мышление как функцию предметной деятельности. Характерным является определение сознания как способности высокоорганизованной материи (мозга) отражать внешнее бытие в форме чувственных и умственных образов (А.Н.Леонтьев, В.В.Орлов и др.) и в форме психической саморегуляции человека (Д.И.Дубровский, В.А.Скоробогатов и др.).

В современных отечественных исследованиях проблемное поле, связанное с концептами «сознание» и «смысл», создается дискуссионным пространством различных философских школ от аналитической философии до постструктурализма. Концепт «смысл» используется в качестве основополагающего понятия, по отношению к которому строятся различные системы. Среди современных отечественных исследований по проблемам смысла и сознания следует выделить работы Р.И.Павилениса, Е.К.Быстрицкого, В.П.Филатова, С.С.Гусева, Г.Л.Тульчинского, А.И.Ракитова, В.И.Малахова, В.В.Налимова, В.Н.Поруса, А.Симонова, О.В.Суворова и др. В работах В.Подороги, С.Л. Катречко, В.И.Молчанова, Н.В.Мотрошиловой, Б.В.Маркова и др. проблемы онтологии сознания поднимаются в связи с критическим переосмыслением западноевропейских традиций постановки данных вопросов.

Однако проблемное поле выявления структурных отношений между пониманием, смыслом и осознанием, по сути, до сих пор является проблемной задачей для исследователей. Выявление их категориального единства позволит избежать редукционизма, то есть сведения сознания к тому или иному содержанию осознаваемого, сведения проблем смысла к структуре символизации или выражения, вопросов конститутивной формы сознания к структурам бессознательного, социального функционирования или к открытым отношениям языковой (дискурсивной) игры.

Объектом исследования является феноменальность смысла и феноменальная структура смыслообразования, лежащая в основе организации конститутивной онтологии сознания.

В качестве предмета исследования выступает видение как многообразии различения/схватывания смысла в подвижной целостности конститутивного опыта сознания.

Цель исследования заключается в философском осмыслении, объяснении и описании конститутивного аспекта онтологии сознания, актуализируемого в концепте «видение».

Задачи исследования:

1. определить сущностные основы конститутивной онтологии сознания;
2. раскрыть конститутивное содержание концепта «видение»;
3. выявить основные методологические принципы архитектоники видения;
4. проанализировать структуры феноменологического созерцания;
5. раскрыть основания многомерности конститутивной онтологии сознания в различении;
6. подвергнуть феноменологическому анализу основания и перспективы решения проблемы «сознание-тело».

Теоретико-методологические основания исследования. В данном исследовании осуществляется разработка феноменологического метода, основанного на представлении об имманентной структуре сознания. Что необходимо предполагает выход на уровень базовой субъект-субъектной диспозиции рефлексивного события осознания, то есть многообразия

различения и схватывания в подвижной целостности опыта сознания, того, что определяется диссертантом как «видение». Однако видение и различение рассматриваются не как тождественные. В.И.Молчанов опыт различения определяет как то, что возникает раньше синтезирующих и идентифицирующих актов сознания, как первичный опыт сознания. Видение рассматривается как различение предметности, осуществляемое на основании онтологии, определяющей способ организации «системы» различия/схватывания в сознании. Так как мир понимается не как то, что находится перед сознанием как представление, но как то, в чем сознание, конституируя мировую предметность, рождается в вещах и возвращается к себе из видимого. Это обуславливает применение концептов «присутствие» и «событие» как основания структуры сознания.

Опыт овременивания и опространствливания в видении определяется тем, что сознание способно конституировать себя в пространстве своего присутствия. Однако конституирование предметности имеет чисто интенциональный смысл и не означает, что вещи «возникают» лишь в этих актах. «Конституировать» не означает «производить» в смысле «делать», «изготавливать». Конституирование понимается, вслед за М.Хайдеггером, как позволение видеть сущее в его предметности. Мировая предметность не производится рассудком, обрабатывающим внешний мир, но сознание, упорядочивая предметность, производит смыслы, в результате чего возникает картина мира.

Видение предполагает отказ от универсальной точки зрения, от отстраненного взгляда со стороны, поскольку есть только взгляд – набросок, но не застывшая конструкция. Видение понимается как онтологическое основание присутствия человека в мире (в первую очередь, телесного присутствия). Видение является таким представлением, которое, начиная с Г. В. Лейбница, схватывается как стремление (*appetitus*), ибо любое сущее есть представляющее, постольку бытию сущего принадлежит *nisus* (тяга к выступлению), полагающее для себя *точку взгляда*, которому может следовать видение.

Онтологическая система, которая наделена энергией потенциального изменения перспектив в различении/схватывании, «метастабильна». Существует только перспективное видение, перспективное познавание. Таким образом, сознание воплощается как подвижный центр пластических сил, интерпретирующих наличное бытие, которое не дано в качестве некоторого набора точечных фактов, но проявляется в различных перспективных проекциях, что определяет ракурс раскрытия проблемы видения в контексте конститутивной онтологии сознания.

Сознание исследуется в его событийности, что основывается на экзистенциалистском понимании события как совместного бытия, со-бытия. Подход к осознанию как к событию, конституирующему мышление, язык, формы культуры в качестве сферы своего выражения, отражается в образе сознания, складывающемся в организованное системное целое, образующее

внутреннее феноменально-смысловое пространство со специфической структурой взаимодействия сторон холистической самореференции – рефлексивной обращенности сознания на себя как целостность. В связи с этим, субъект-субъектная феноменальная структура осознания рассматривается как основа раскрытия сознания в его имманентности, в противовес трансцендентальному подходу к определению субъекта сознания.

Понимание смысла, внутренне присущего саморефлексивной целостности события осознания, предстает в качестве результата осуществления целостно-системного подхода к феноменам и эффектам сознания как деятельностного события, проявлением которого является конститутивная активность сознания в целом. Это обуславливает то, что теоретическое основание исследования составляют классические и современные философские тексты, посвященные вопросам онтологии, онтологии сознания и смысла Аристотеля, Платона, Августина, И.Канта, М.Хайдеггера, М.К.Мамардашвили, В.Подороги, Дж.Серля, М.Б.Туровского и др.

Научная новизна исследования состоит в применении структурно-феноменологического метода для систематизации феноменов сознания и концепта «видение» как основания конститутивной онтологии сознания. Видение понимается не как взгляд вовне и не как «физико-оптическая» связь с миром. Видение определяется как многообразие различения/схватывания в подвижной целостности опыта сознания. С одной стороны, это дает основание для обозначения перспективного движения взгляда, проникающего через границу сущего, которая становится разомкнутой, прозрачной. Но эта прозрачность не абсолютна, она не позволяет сознанию как «раствориться» в мире, так и стать застывшей «конструкцией». С другой, обосновывает конститутивный смысл видения.

Введение феноменального горизонта в структуру сознания позволяет определить видение не как отражение того, что непосредственно воспринято и приобрело некий смысл, но как то, посредством чего в мире возникает сам смысл. Видение раскрывается как основание для экзистенциально-онтологического понимания мира, где *другой* оказывается возможным в силу того, что он является видимым, различным. Полагание сознанием *другого*, тела *другого*, как и собственного, приводит к тому, что *я* и *другой* предстают не как объекты, но как центры инициативы и действия.

Архитектоника видения определяется как поле различения/схватывания. Во-первых, это позволяет показать, что рефлексия объективирует точки зрения и перспективы и, таким образом, сознание входит в «пространство» очевидности видимого, очевидности подступа к бытию и размыкания сущего. Это приводит к тому, что феномен сознания получает воплощение не в качестве «мышления», но как особое бытие. Во-вторых, позволяет, обозначая, вслед за М.Хайдеггером, трансценденцию как фундаментальное определение онтологической структуры *Dasein*, выявить

трансцендентность Dasein в видении.

Теоретическое и практическое значение диссертации. В осуществленном автором исследовании разработаны и обоснованы теоретические положения, совокупность которых предполагает как выявление основных принципов и способов многоуровневого структурирования онтологии сознания, так и приводит к разрешению одной из центральных проблем современной философии сознания (сознание-тело). Практической значимостью обладают те положения диссертационного исследования, на основе которых возможна разработка специальных курсов по онтологии сознания.

Апробация работы.

Основные положения исследования были апробированы в выступлениях на всероссийских и региональных конференциях. Текст кандидатской диссертации обсуждался на кафедре онтологии и теории познания УрГУ им. А.М.Горького.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы 206 наименований. Работа выполнена на страницах машинописного текста.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **ВВЕДЕНИИ** обосновывается актуальность темы исследования, дана краткая характеристика научной разработанности проблемы, определяются цели и задачи исследования, теоретико-методологические основания работы, научная новизна, защищаемые положения и теоретическая значимость работы.

В **первой** главе «**Конститутивная онтология сознания и смысловая данность мира: структура феноменологического созерцания и феноменальность смысла**» феноменальность смысла и феноменальная структура смыслообразования, лежащая в основе организации конститутивной онтологии сознания, исследуется в контексте видения субъектом мирового сущего, то есть, основана на понимании онтологии как картины мира.

Необходимость анализа сознания через неклассические способы описания механизмов его конституирования, где концепт «видение» выходит на первый план как решающий, определяется тем, что «видение» обогащает сознание жизненной ценностью, поскольку видение объекта предполагает вовлеченность других мировых объектов в поле сознания. Это делает актуальным формулу М.Мерло-Понти: каждый есть все то, что другие видят в нем. Таким образом, точечные ощущения, слепые соприкосновения, разрозненные впечатления могут быть увидены в целостности, что приводит к необходимости выявления онтологического смысла видения. Конституирующая функция сознания предполагает наличие «системы» различий и отсылает к понятию «точка зрения», что, непосредственно связано

с интерпретаций концепции ценности М.Хайдеггером: сущность ценности основана на том, что она – точка зрения; ценность подразумевает то, что схватывается смотрящим оком.

Сфера опыта видения, открывающаяся в ракурсе *феноменального горизонта* (И. Кант), может быть определена как топос усилия сознания, прокладывающего путь мысли в определенном ландшафте промежуточных, лиминальных пространств, которые не занимают определенной, окончательно сформированной позиции. В силу этого, структуры самого пространства мыслятся не в традиционных бинарных оппозициях (верх/низ, центр/периферия), но как ризоматические, что делает само пространство потенциально безграничным в пограничности различения и схватывания между пространствами, временами и представлениями.

Видение не является слиянием, совпадением сознания и сущего. Глаза, которые видят и осуществляют прикосновение, могут быть также увидены. В этом смысле сознание покрывает и даже охватывает все видимые и осязаемые вещи, которыми оно окружено. Следовательно, возможно то, что мир и сознание находятся друг в друге, однако в их взаимосвязи основополагающим является не первенство, но одновременность.

В первом параграфе «Зрение и видение: мир как явление» отмечается, что «видение» оказывается неоднозначным понятием, так как соотносится с разными уровнями переработки оптической информации. Видение формируется в результате встречи двух противоположно направленных информационных потоков. С одной стороны, конкретной и изменчивой оптической информации, идущей от объекта. С другой, более абстрактных обобщенных схем (сенсорных и перцептивных эталонов, «фреймов», логических и инфралоогических концептов и т.п.), сложившихся в опыте субъекта и хранимых в его памяти.

Зрение, вслед за Л.Ф. Чертовым определяется как процесс проектирования всего, что охвачено условной небесной сферой на внутреннюю сферу сетчатки глаза, хрусталик которого оказывается точкой инверсии, соединяющей два центрально-симметричных конуса по законам геометрической оптики. При этом отмечается, что такого рода информация принципиально ничем не отличается от информации, получаемой, например, поверхностью вогнутого зеркала, отражающего лучи света, или фотопленкой, которая, наоборот, их поглощает. Как зеркало или фотопленка, сетчатка глаза только принимает информацию, но сама по себе еще ничего не видит. Следовательно, зрение характеризуется тем, что преобразование информации является преобразованием формы физических объектов, но не идеальных.

Существует структурное различие между видением и зрением, так как зрение рассматривается как точка инверсии и определяется как движение проектирования всего на внутреннюю сферу сетчатки глаза. Зрение характеризуется тем, что преобразование информации является преобразованием формы физических объектов, но не идеальных. Зрение как получение оптической информации и видение не тождественны, так как

видеть может субъект, который строит идеальные образы объектов. Идеация возникает в пространстве экзистенции и гарантируется длительностью сознания, которая должна возратить сознание к самому себе и сделать возможным обращение к другому сознанию. Таким образом, видение может быть определено как результат гнозических действий, направленных на извлечение информации, где физические и физиологические процессы передачи информации способствуют ее внесению в поле деятельности сознания, но не исчерпывают понятие «видения».

Классическая новоевропейская традиция рассмотрения мира как явления порождает проблемы, связанные с тем, что необходимо признать относительность сущего как являющегося. С одной стороны, материя видима, осязаема, непроницаема, тяжела только как явление в нашей чувственности, с другой, явления – это явления сомневающегося, утверждающего, отрицающего, обладающего воображением и чувствами сознания. Мы не знаем реальности, абсолютно внешней сознанию, или духу, то есть о явлениях, которые не является никакому сознанию, нельзя ничего сказать. Однако явления существуют не в мозгу и не в единичном сознании, а в беспредельном пространстве и времени. Но насколько это исключается ли иллюзия, превращающая мир в субъективное представление.

Этот вопрос решается в контексте рассмотрения пространства и времени, вслед за И.Кантом, как общих форм всех возможных внешних восприятий, как общих условий всего являющегося. Пространство и время реальны как совокупность явлений внешнего и внутреннего мира и независимы от личной душевной жизни субъекта, от личного опыта сознания. Пространство и время существуют независимо от единичных чувственных восприятий субъекта и всех явлений, которые наполняют пространство и время, более того, все восприятия и явления ими обусловлены. Они а priori обуславливают всякое возможное восприятие. Мир как действительность не может быть помыслен без допущения объективной связи между явлениями. Без такой связи мир предстает как калейдоскоп разрозненных впечатлений. Таким образом, обращение к философии И.Канта позволяет утверждать, что в мире, представленном как явление, действительность рассматривается не как призрачное субъективное представление, но как объективное, универсальное представление, не как абсолютно психологическое явление, но как то, что обусловлено логическим законом, обязательным для сознания.

Второй параграф «Рефлексия и усмотрение: видимость и очевидность» посвящен выявлению основных функциональных признаков такого способа самоисследования сознания как рефлексия. Рефлексия определяется в контексте осмысления самонаправленности и самообоснования сознания, что предполагает необходимость обращения сознания на себя и усмотрение смысла. В рефлексии, определяемой вслед за Дж.Локком, как «наблюдение ума над своей собственной деятельностью», предметом является не абстрактное сознание, но определенным образом понятое сознание. Это понимание сознания не зависит от рефлексии, но

определяет способ рефлексии, однако оно само может быть выявлено только в рефлексии. Рефлексия объективирует точки зрения и перспективы. Таким образом, сознание входит в «пространство» очевидности видимого, очевидности подступа к бытию и размыкания сущего. Основополагающим является вопрос отношения сознания и предметного мира. В этом контексте задается направление исследования вопроса об отношении сознания к предмету, но не об отношении предмета к сознанию.

Проблематизируется не просто состояние достоверности факта или его эмпирическое подтверждение, но то, что несет в себе убедительность, которая заключается в содержании самого доказательства, т. е. в той действующей силе бытия, которую Р. Декарт называл очевидностью. Очевидность предстает как интеллектуальная интуиция, особый тип созерцания, осуществляемый исключительно силою разума и не связанный с чувственным опытом, с тем, что может дать повод усомниться в созерцаемом. Следовательно, идея мира предстает как горизонт рефлексивного анализа и сама рефлексия предстает как сущность сознания, поскольку уже нельзя видеть то, что есть «само по себе» – видение и опыт сливаются с понятийным мышлением.

С феноменологической точки зрения деятельность сознания исследуется как процесс придания смысла и построения смыслового горизонта предметности. Структура интенциональности предстает у Э.Гуссерля как структура смыслообразования, это определяет то, что сознание всегда содержит возможность рефлексии как способности схватывания смыслов, или значений, сформированных в этих актах. Э.Гуссерля структура сознания тождественна связи ноэматических (греч. поема – акт мышления) содержаний предмета, то есть структуре смысловых горизонтов. Введенный Э.Гуссерлем термин «ноэтическое переживание» указывает на то, что под интенциональным актом понимается не психический акт, но структура любого психического акта, которая делает этот акт означающим. Таким образом, акт придания смысла или значения, который лежит в основе любого акта сознания, не зависит ни от актов самого сознания, ни от психических актов, что позволяет Э.Гуссерлю избежать психологизма.

Вопрос о сознании в феноменологии является вопросом о связи рефлексии и времени, так как исключительно через темпоральные характеристики рефлексия обретает доступ к сознанию. Посредством рефлексии становится возможен доступ к сознанию «в-себе» средствами самого сознания. Необходимым посредником между сознанием и рефлексией выступает временность, поскольку во временности совпадают структура феномена и способ его описания. Это совпадение делает возможным феноменологическое видение.

Феноменологическая рефлексия не является только регистрацией впечатлений, или интроспекцией. В рефлексии схватывается в единстве поток сознания; рефлексия конституирует сознание как поток. Но рефлексировать

не означает совпадение с этим потоком, поскольку предполагает освобождение сознания от вещей и восприятия мира, подвергая их систематическому анализу. Таким образом, делается вывод о том, что рефлексия одновременно требует и исключает конституирующее движение, представляя, с одной стороны, ретроспективным конструированием, с другой, возникая вслед за опытом мира, располагается в порядке идеализации, который не является порядком возникновения мира.

Если сознание схватывает бытие видимых вещей так, как если бы восприятие возникало в самих вещах и если вещи обладают собственным местом в мире, то сознание растворяется в них. Таким образом, этот опыт невозможен, так как в той мере, в какой сознание приближается к вещи, оно перестает существовать. Верно, следовательно, обратное – в той мере, в какой есть сознание – нет вещи, а есть только ее идеальный образ. Однако важно установить смысл бытия мира. Это означает не допускать ничего сверх этого: ни идею бытия в себе, ни коррелятивную идею бытия как представления.

В третьем параграфе «Сознание и трансценденция: экстатическое видение» вводится значение «трансцендентного», относящегося к актам познания. Принимается за основное то, что познание только в качестве трансцендентного акта, как справедливо отмечает Н.Гартман, способно «дать» сознанию вот-бытие сущего. Иначе сознание было бы заключено в собственной имманентности. Осмысление структуры сознания как того, что возможно во встроенности в целостность реального мира, определяет то, что в онтологии сознания должна отражаться сама изменчивость мира. Это понимание исключает трактовку трансцендентного как относящегося к предметам, отличным от имманентных: предметы находятся по ту или иную сторону границы, им не присуща способность transcendere, «выходить за пределы».

Возможность рассмотрения видения в контексте исследования трансценденции как онтологической возможности сознания, основана на том, что вслед за М.Хайдеггером, трансценденция рассматривается как фундаментальное определение онтологической структуры Dasein. Трансцендентное, т. е. то, что трансцендирует, – это не вещи в противоположность Dasein, но само Dasein. Использование термина М.Хайдеггера Dasein позволяет ввести в конституирование онтологии сознания структуру бытия-в-мире. Это позволяет понять, что интенциональное отношение сознания к сущему имеет основание в фундаментальном строении бытия-в-мире.

Интенциональное устройство отношений Dasein является, с точки зрения М.Хайдеггера, онтологическим условием возможной трансценденции. Интенциональность не есть ни нечто объективное, наличное как объект, ни нечто субъективное в смысле того, что происходит внутри так называемого субъекта, чей способ бытия остается полностью неопределенным. Интенциональность, принадлежа экзистенции Dasein, делает возможным то, что это сущее, Dasein, экзистируя, соотносится с наличным.

Проблематичность концепта «видение» возникает вместе с вопросом: что представляет собой видение, которое исключает «устойчивую позицию вовне», взгляд, помещенный в бесперспективную точку зрения», видение, возникающее на границе зрения и слепоты? Возможным решением становится указание на разрыв, «пустое» место в поле видения. Перспектива осуществляется по линии разрыва, которая, «прерывая» видение, порождает как непрерывную пульсацию, так и ценность. Ритм возникает в силу того, что сам акт видения определяется движением линии внимания сознания в пространстве, рассматриваемом в текстуальном контексте, где письмо, как и чтение, – это непрерывный опыт *другого*.

В связи с тем, что человек обретает свою соразмерность через трансценденцию, то в пустоте, открывающей само небытие, открывается первоначальный разрыв, но не как отрицательная фигура присутствия в мире через отсутствие, но открытие присутствия бытия там, где мы сталкиваемся с чем-то, что лежит за границами нашего представления о бытии. Следовательно, пустота раскрывает себя в качестве поверхности различия, инструмента различий, так как, позволяет видеть все и все наделять значением.

Введенное понятие разрыва в качестве онтологической структуры сознания, предстает как то, что объединяет между собой тождественное и иное, что предполагает понимание сознания, включенного в некоторый мир Трансценденция является онтологической возможностью сознания, так как делает возможным экзистирование в смысле отношения сознания к самому себе как к сущему, к другим как сущим и к сущему, в терминологии М.Хайдеггера, как наличному и подручному. Понимание основано на том, что сущее разомкнуто в его возможности, что предполагает понятие смысла, определяемого как формально-экзистенциальный каркас принадлежащий к пониманию разомкнутого бытия.

В *выводах* по первой главе отмечается, что возможность построения конститутивной онтологии сознания основана на том, что контекст пространства видения понимается как открытый контекст. Онтологической возможностью сознания становится трансценденция, которая предполагает, что движение осознания видимого или воспринимаемого предстает как не пассивная фиксация, но как развертывание конституирующей силы, полагающей объект. Само осуществление видения как действия, в результате, не является раз и навсегда исполнившимся актом определившей связи сознания и мира.

Видение всегда содержит в себе полагание бытия: «нечто есть», или «нечто имеется». Задача феноменологии – прояснить это полагание, показать, «почему есть нечто, а не ничто». С одной стороны, присущая сознанию способность видения, с точки зрения экзистенциальной феноменологии, отсылает к определению М.Мерло-Понти видения как мысли, подчиненной

определенному полю, и именно это и называют ощущением. С другой, видение определяется как действие, акт, который всегда выходит за пределы собственных предпосылок и подготовлен внутри сознания его изначальной открытостью полю трансцендентности или экстаза. Это позволяет определить видение как самостно-экстатическую раскрытость сознания.

Вовлеченность сознания в мир определяет его открытость мировому сущему. Основополагающая возможность сознания связана с его укорененностью в мире, что приводит к определению трансценденции как онтологической возможности сознания, определяемой как эк-стаз, «стояние во вне». Сознание изначально находит себя уже помещенным и вовлеченным в мир, что возможно только при постоянном стремлении «учиться видеть». Мир конституируется, ибо тот, кто видит, обозревая каждую «отдельную» вещь «со всех сторон», создает уникальное пространство рождения смысла.

Во второй главе «Архитектоника видения как методологическая проблема конститутивной онтологии сознания» исследуются возможности применения концепта «видение» для рассмотрения многообразия различения/схватывания смысла в целостности конститутивного опыта сознания. Анализируя различение как то, что составляет сущность восприятия и неотделимо от него, автор приходит к выводу, что мировая предметность не производится рассудком, обрабатывающим внешний мир, но сознание, упорядочивая предметность, производит смыслы, в результате чего возникает картина мира.

Это обуславливает конкретно-историческое представление о мире, стиль и способ мышления, смена которого приводит к изменению моделей взаимосвязи человека и мира. Сознание характеризует способ существования субъектности, благодаря которому оно имеет дело не только с отношением наших знаний к действительности, но создает точки опоры, обеспечивающие осмысление, и, как следствие, согласование, направленность на постижение целостности явлений мирового сущего сознанию.

Особое внимание уделяется онтологической проблематике сознания, разработка которой требует прояснения как смыслов, относящихся к самому термину «сознание», так и методологических установок данного исследования, которые позволяют показать, что деятельность сознания имеет не только гносеологическую, но и онтологическую значимость. Онтологическое решение вопроса о природе сознания учитывается при исследовании важнейшей для философии сознания проблемы сознание-тело («mind –body»). Концептуальное поле, с помощью которого задаются общие рамки проблемной области и перспективы подходов решения проблемы «сознание-тело», определено контекстом категории «возможное», что приводит к постановке под вопрос понятие объективной данности. Объект понимается как сконструированный сознанием, следовательно, снимается противопоставление естественного и искусственного объекта; природные объекты рассматриваются сквозь призму человеческой размерности.

В первом параграфе «Видение как поле различения: основания многомерности сознания» проводится анализ онтологических оснований сознания, которые основаны на понимании исходного опыта видения мира человеком как различения. Различение предполагает отказ от единственной универсальной точки зрения. Концепт «видение» наделяет онтологическую систему сознания энергией потенциального изменения перспектив различения/схватывания, в силу чего она рассматривается как «метастабильная».

В данном исследовании в отношении к онтологии сознания используется термин «многомерная», что связано с некоторым отличием смысловой нагруженности термина «полицентризм», того, как он используется в данной работе и того, как он раскрывается в структурализме, а также в работах В.В.Налимова.¹ Вводимые в качестве описательных принципов язык, мышление и культурные формы, рассматриваются либо отдельно (структурализм), либо в триадическом единстве (В.В.Налимов) как объективации сознания. Однако в контексте данного исследования предполагается, что язык, мышление и культура – это разные уровни бытия смысла, явленного в различении. Посредством предметностей смысла (языка, мышления и культурных формы) схватывается не сознание, но сознание фиксируется в смысле, так как сознание производит смысл.

Видение связывает сознание с миром, оно разворачивается всегда уже в мире и является всегда уже опытом мира, предстающего как бытийный способ экспликации и описания этого исходного опыта. Топологическая структура видения определяется концептом «граница». Граница предстает как произведенная внешними силами, как линия различения силовых полей, прочерченная в пространстве. Граница как единый критерий для всех идентичностей становящегося мира, возникает на изломе, сгибе, обрыве. Таким образом, пространство предстает как экскоммуникативное (от лат. *ex* – из, от, означает выход, извлечение наружу), ибо предполагает с самого начала нахождение взгляда наблюдателя не вне, а внутри мира, в различении как точке излома, которая в развертывании создает мир.

Видение, определенное как поле различения, позволяет определить онтологическую многомерность сознания и дает возможность обозначить проявление взгляда как проникновения через границу. Граница становится разомкнутой, прозрачной, но ее прозрачность не абсолютна и не позволяет сущему потерять некоторую замкнутость и «раствориться» в мире, поскольку взгляд выявляет стягивание и размыкание границы поля видения. Пространство со-бытия видения предстает как пространство не глубины, но поверхности, которые являются как события трансценденции, что делает

¹ См. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989. С.117-118.

возможным выход за пределы синтеза личности и анализа индивидуального как они существуют (или производятся) в сознании, поскольку они распределяются в «потенциальном».

Тем самым видение не может рассматриваться только в контексте пространственного отношения в точке схождения одного пространства с другим. Перспективная точка взгляда присуща бытию-в-мире как таковому, что приводит к ситуативному определению бытия-в-мире. Перспективное поле видения предстает как поле различения/схватывания, включающее в себя множество *углов-точек зрения* (В.Подорога). Это определено тем, что различение никогда не может быть сведено к застывшей и пассивной точке, оно всегда активно, ибо предстает как длительность сознания, то есть существует не иначе, как открываясь в сторону некоего целого, либо совпадая с открытостью этого целого.

Видение предполагает различение/схватывание – объект становится «чем-то» благодаря различению. Развертывание данностей предметов в горизонте мира, принадлежащих к актуальности потока переживаний, предстает как «точка различения», поскольку указывает на некий поворот внимания. Мир очерчивает себя и, в первую очередь, пространственно, что определяет обращение к концепту «видение», с одной стороны, как оптической метафоре, но, с другой, как способности сознания к различению. Таким образом, видение, определенное как поле различения/схватывания, позволяет определить онтологическую многомерность сознания в трансценденции, дает возможность обозначить «видение» как взгляд, проникающий через границу, которая становится разомкнутой, прозрачной. Но ее прозрачность не абсолютна и не позволяет сущему потерять некоторую замкнутость и «раствориться» в мире, поскольку взгляд выявляет стягивание и размыкание границы поля видения.

Во втором параграфе «Феноменальный горизонт в структуре созерцания: проблема сознания и тела» постановка проблемы видения тела как точки взгляда, усмотрения смысла и некоторой целостности в феноменальном горизонте структуры сознания связана с тем, что тело рассматривается, прежде всего, как то, что поддается определению извне, что, предполагает наличие взгляда *другого*. Пространственность тела дает возможность развертыванию телесного бытия. И в основании способа, каким сущее осуществляется как тело, лежит структура сопричастности – не просто согласования, но открытости возможному смещению «моего» взгляда относительно взгляда *другого*.

Ж.П.Сартр, М.Мерло-Понти, как и Э.Гуссерль, указывают на наличие телесной «нулевой точки», которая не может быть внесена в систему координат, так как система координат берет в этой точке свое начало. Тело рассматривается как «нулевая точка», в которой зарождаются и раскрываются временные и пространственные перспективы. Это дает основание для определения структуры сопричастности не как структуры связей между предметами, увиденными с отстраненной точкой зрения, но как пространства,

видимого сознанием изнутри и полностью его в себя включающем как нулевую точку или уровень пространственности.

Взгляд образует аспект действующего, а не тематизированного тела. То, чего я не видит – это само видение; взгляд развертывается в поле зрения и именно поэтому не находит себе места в нем. В этой связи М.Мерло-Понти говорит о «слепом пятне», тем самым в его концепции основополагающим является тот мотив, который играл важную роль уже у А.Шопенгауэра, Э.Маха, Л.Витенштейна, Ж.Батая: взгляд ускользает от себя самого; видящий глаз не видит себя.

Тело – это не нечто, что постигается через перспективы, но, как определяет М.Мерло-Понти, оно само есть местонахождение, точка зрения, из которой разворачиваются перспективы видения. Таким образом, понятие точки зрения предполагает двойное отношение. С одной стороны, в связи с объектам мира, с вещами, видение необходимо предполагает, что есть некоторое «тело», исходя из которого выстраивается перспектива взгляда на мир. С другой стороны, в этом отношении субъект видения проявляется как наблюдатель, для которого оно (тело) есть точка рождения смысла, узрения. В каждом проекте для-себя, в каждом восприятии тело одновременно является точкой зрения и отправной точкой – точкой узрения, которой сознание является и которую, в то же время, переводит к тому, что имеется в бытии. Это отправная точка, которую сознание не прекращает преодолевать и которой является само сознание.

В связи с этим, со-бытие *я-другой* предстает как нарушение всех границ между телом и миром, как текучесть переходов между ними. Оно в возможности, которая и есть ничто, но оно же есть и начало, дающее человеку способность оказаться «вблизи», можно сказать «внутри» смысла, в со-бытии, которое всегда является совместностью и осмысленностью, переживаемое и проживаемое в том совместном «пространстве», которое есть тоpos встречи мира и человека. Это является, в конечном счете, совместным присутствием/отсутствием, событием, формулирующим неуловимый в своей изменчивости, модус настоящего/presence присутствия/presence.

Следовательно, возможно сделать следующий вывод: в связи с тем, что в отношении я в бытии-для-себя и я в бытии-для-другого мир понимается как пространственно-временная целостность, то модальность, то есть *способ* складывания пространства и времени, а также возможность разворачивания ткани смыслов обуславливаются присутствием человека в мире, которое определено его способностью находиться на краю, на границе бытия *я-другой* и реальности в целом. Это приводит к тому, что отношение между телом как точкой зрения и вещами определяется как объективное, а отношение сознания к телу, то есть я как точка зрения по отношению к себе, которое может стать другим, – экзистенциальным.

В третьем параграфе «Образ и сознание: герменевтика визуального» видение определяется как то, что вовлекает человека в мир в

его телесности, что приводит к постановке проблемы соотношения сознания и тела в контексте герменевтического и семиотического анализа. Герменевтический и семиотический подходы предстают как связанные, но не тождественные линии исследования. Герменевтический подход фиксирует установку сознания на интерпретацию воспринимаемых объектов в контексте текстуальности, что обуславливает истолкование пространственных тел как носителей смыслов. Семиотический компонент исследования строится на выявлении общего в трактовке средств смысловыражения и предполагает выявление не конкретных смыслов конкретных текстов, но, напротив, общих смыслов, с помощью которых строятся тексты и исследуются их смыслы.

В феноменологически-экзистенциальной традиции образ тела как собирающего мировую предметность рассматривается не только как тело, которое устанавливает дистанцию близости *я-другой*, но выступает и в виде посредника между реальностью мира и другим. Тело *другого* выступает посредником между *я* и реальностью мира и возникает в двух модусах: иметь и быть. *Я* способно выступать как субъект только благодаря обладанию как модусу существования.

Человек изначально помещен в смысл, в языковую игру, которую вслед за Л.Витгенштейном можно определить как «единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен», то есть «говорить на языке» – значит принять форму жизни, в данном случае отражающей логику желания и забвения. «Страсть означающего» становится новым измерением условий человеческого существования. Структура бытия-для-другого предстает как форма обладания – *я* становится «собственностью» другого. Субъект-субъектная схема предполагает в данном контексте подвижность составляющих по отношению друг к другу связей, в таком случае, *другой* оказывается видимым пределом (которым может стать *я* для себя), указывающим, где начинается и кончается право обладания, и где существуют неизвестные миры *других*.

В практике интерпретации внешнего мира тело человека рассматривается как образ, в соответствии с которым «прочитываются» и толкуются другие тела. Собственное бытие открывается *я* в существовании *другого*, которое *я* не может ни усвоить, ни даже понять: это существование мотивирует возникновение отношения к *другому*, где он смотрит на «меня», и овладевает секретом «моего» бытия – знает, «что я такое». Возникает не одностороннее отношение к некоему объекту-в-себе, но взаимное отношение, где конфликт и попытки освободиться и подчинить себе *другого* являются изначальным смыслом бытия-для-другого.

Таким образом, структура бытия-для-другого может быть рассмотрена как форма обладания. *Я* становится собственностью *другого*: взгляд *другого* конституирует *я*, он создает образ, порождает «мое» тело таким, каково оно есть, но видит его таким, каким *я* никогда его не увидит, но и *я* видит его таким, каким видит его только *я*.

Онтологическая структура, где *я* ответственно за бытие-для-другого, но не обосновывает его в себе, является в форме случайной данности, за которую *я*, тем не менее, ответственно. *Я* существует как проект собственного восстановления в *другом*, где *другой* захвачен желанием обладать и желанием принадлежать.

Если объект рассматривается как текст, то подразумевается его принадлежность к особому миру, миру социальной коммуникации, где реальность, образы которой сливаются в непрерывном движении, может рассматриваться по частям и, как описывает Ги Дебор в «Обществе спектакля», разворачивается в своем обобщенном единстве в качестве особого псевдо-мира, подлежащего только созерцанию, обозначенному как спектакль: не совокупность образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами.

В *выводах* отмечается, что видение объекта предполагает выделение его как точки в мировом пространстве и установление его вплетенности в мировые связи, что предполагает сознание, которое в различении соотносит себя с объектами мирового сущего. Видение определяется как многообразие различения/схватывания в подвижной целостности опыта сознания, поскольку видеть – значит исходить из определенной онтологии, обуславливающей осуществление схватывания/различения. Таким образом, онтология сознания предполагает конкретно-историческое представление о мире (стиль и способ мышления), смена которого приводит к изменению моделей взаимосвязи человека и мира.

Видение как то, благодаря чему человек встраивается в процесс бытия, непосредственно связано с пространством бытия, понимаемом в различении, что определяет событийный характер сознания и перспективность видения. Таким образом, возможно основание для определения пространства, в котором действует сознание, не метрически, но как универсальной возможности взаимодействия, благодаря которой положение вещей становится возможным. Определенное значение или смысл возникает всегда в связи с определенным событием или положением дел, однако любое обстоятельство выступает как «положение дел» только тогда, когда ему придан определенный спектр смыслов, то есть фиксируется «наличие» конститутивной, смыслообразующей «системы» – сознания человека, вовлеченного в со-бытие с *другим*.

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** обобщаются результаты диссертационного исследования, определяется теоретическая и научно-практическая значимость дальнейшей разработки представленной проблематики.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ:

1. Разработан феноменологический метод анализа феноменов сознания, основанный на выявлении событийных аспектов осознания, в которых раскрывается его имманентная смысловая явленность. Категория смысла раскрывается как внутренне присущая саморефлексивной целостности события осознания. Этот метод дает возможность исследовать смыслообразующие события различной модальности, что открывает основания философского освоения внерационального опыта культуры.

2. Выработан подход к рассмотрению событийной структуры сознания. Раскрывается возможность адекватной конкретизации специфического предмета феноменологического внимания – смысла. Это позволяет выделить имманентные самому сознанию структуры смыслового складывания, конституирования, и делает необходимым определение пространства не метрически, но как возможности взаимодействия, благодаря которой «положение вещей» становится возможным.

3. Феноменальность смысла и феноменальная структура смыслообразования, лежащая в основе конститутивной онтологии сознания, исследуется в контексте раскрытия способов видения субъектом мирового сущего. Это приводит к раскрытию, с одной стороны, рефлексии как различению в структуре сознания, с другой, трансценденции в качестве фундаментальной структуры *Dasein*, представленной в фундаментальном строении бытия-в-мире.

4. Выявлен перспективный характер видения. Онтологический смысл архитектоники видения определяется тем, что видение присуще бытию-в-мире как таковому, следовательно, задается контекст определения видения как поле различения, включающего в себя множество *углов-точек зрения* (В.Подорога) схождения одного пространства в другое в перспективной точке взгляда. Поскольку сознание исходит из определенных онтологических оснований, обуславливающих осуществление схватывания/различения, это позволяет определить многомерность сознания.

5. Раскрыта внутрисубъектная (субъект-субъектная) смысловая архитектоника видения. Произведена эвристически значимая систематизация типов мышления как моделей смыслообразования в целостно-смысловом пространстве осознания. на основе которого раскрыто внерационально-смысловое своеобразие экстатического видения.

6. Выявлено, что в феноменальном горизонте структуры сознания видение вовлекает человека в мир в его телесности, что позволяет определить событийный характер осознания как основание самостно-экстатической раскрытости субъектности. Таким образом, на основе выделения феноменальной структуры осознания, решение проблемы «сознание-тело» представлено в контексте исследования тела как точки взгляда, узрения (рождения смысла).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. Семиотика пространства Власти: обольщение Социальностью // Философия права. Научно-теоретический журнал. Ростов-на-Дону. Ростовский юридический институт МВД России.–2002-№2(6).– 1,2 п.л.
2. Мистический опыт: философская деконструкция // Сб. Молодая мысль на пороге нового века (Тезисы докладов). - Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. – 0,2 п.л.
3. «Я» и «Другой»: опыт Встречи. Сб. Памяти М.М.Бахтина: Материалы научной конференции. - Екатеринбург: УрГУ, 2000. – 0,2 п.л.
4. Человеческое «Я» как граница свободы и ответственности. Смыслы человеческой свободы (Тезисы докладов). – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т. 2000. – 0,1 п.л.
5. Топология мира и текста в пространстве культуры Средневековья Сб. Молодая мысль на пороге нового века: Материалы международной научно-практической конференции. Часть 2. – Ек., УрГУ, 2001. – 0,2 п.л.
6. Исламский и иудейский средневековый аристотелизм: Авиценна, Аверроэс, М.Маймонид. // Аристотель и средневековая метафизика. Альманах Центра изучения средневековой культуры при философском факультете Санк-Петербургского Государственного университета. СПб., Санк-Петербургское философское общество, 2002. 0,15 п.л.
7. Обольщение социальностью: семантика языковых пространств // Глобализация: реальность, противоречия, перспективы. Тезисы докладов. Т. 1. Глобалистские и антиглобалистские тенденции в обществе и культуре России. Екатеринбург. Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. – 0,2 п.л.
8. Аналитика власти М.Фуко: проблема толерантности // Логика толерантности и права: Материалы научной конференции. Екатеринбург, 24-25 декабря 2001 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2002. – 1 п.л.
9. Методология гуманитарных наук в философии Возможного М. Эпштейна // Загадки жизни и парадоксы познания: Сборник статей к всероссийской конференции 31 мая 2003г. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2003. – 0,2 п.л.
10. Онтология видения: аналитика субъекта в контексте маргинальной топологии// Антропологические конфигурации современной философии. Материалы научной конференции 3-4 декабря 2004 года. – М. 2004. – 0,2 п.л.

11. Имена Текста // Эпистемы-3: язык – дискурс – текст: Материалы межвуз. семинара: Альманах. – Екатеринбург: Издательство «Банк культурной информации», 2004. – 0,5 п.л.
12. Аналитика со-возможностей и модальностей бытия в контексте определения топо-логики cogito // Вызовы современности и философия. – Бишкек. 2004. – 1 п.л.
13. Мистический опыт как экстатическое видение: контуры новой религиозной метафизики Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. Периодический сборник научных трудов. Вып. 8. Вл.Соловьев как религиозный мыслитель. Иваново, 2004. (в соавторстве) – 0,5 п.л. (0,25 авторских).
14. «Другое» cogito: дискурсивность рациональности // Эпистемы – 4: Философский плюрализм. Материалы межвузовского семинара: Альманах/ Сост., общ. ред. докт. филос. наук. Д.В. Анкина – Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2005. – 0,5 п.л.
15. Видимость и очевидность: бытие проблематическое и бытие аподиктическое // Труды преподавателей кафедры онтологии и теории познания. Ек.: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 1 п.л.
16. Конститутивная онтология сознания: архитектоника видения как методологическая проблема // Культура & общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств — Электрон. журн. — М.: МГУКИ, 2004— . — № гос. регистрации 0420600016. — Режим доступа: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Shutaleva.pdf>, свободный — Загл. с экрана. – 0,5 п.л.